

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Учреждение образования
«Брестский государственный технический университет»

Кафедра социально-политических и исторических наук

Методические рекомендации

**ИЗУЧЕНИЕ ОСНОВНЫХ ИДЕОЛОГИЙ СОВРЕ-
ВРЕМЕННОСТИ В ВУЗОВСКОМ ЦИКЛЕ СО-
ЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ ДИСЦИПЛИН**

Брест 2010

УДК 316.3
ББК 60.56

В настоящей брошюре впервые в учебно-методической литературе дан комплексный анализ основных идеологий современности. Брошюра адресуется преподавателям учебных заведений, студентам вузов, магистрантам, аспирантам, всем, кто интересуется идеологическими аспектами социально-гуманитарных дисциплин.

Составитель: Стрелец М.В., профессор, д.и.н.
Малашук П.В., доцент

Рецензент: к.и.н., доцент, доцент Брестского государственного университета
им. А.С. Пушкина А.Ю. Бодак

Опыт преподавания социально-гуманитарных дисциплин свидетельствует о том, что студентам всегда трудно усваивать идеологические аспекты современности. Поэтому авторы настоящего издания решили помочь студенческому корпусу разобраться в основных идеологиях современности.

Прежде всего следует выяснить, что же такое идеология.

Идеология как социальный феномен функционирует на всём протяжении существования человека разумного (*homo sapiens*). Однако данный феномен был обобщён в определённом понятии только 2 века тому назад, что следует поставить в заслугу А.Л.К. Дестюту де Траси, занимающему важное место в истории французской общественной мысли. Мыслитель рассматривал идеологию в контексте тех теоретико-познавательных поисков, на которых он был всецело сконцентрирован. Считая чувственный опыт исходным пунктом для познавательного процесса, он точно так же объяснял генезис идеологии. Такой подход вписывался в теоретико-познавательную традицию, заложенную Дж. Локком. Находясь в русле данной традиции, А.Л.К. Дестют де Траси показал, что генезис идеологии имеет свою логику, базируется на общих закономерностях, что под общие закономерности подпадает идеология как система, в которой заложены идейные основы науки и социума. Познавательный процесс в сфере идеологии, по мнению французского мыслителя, охватывал три блока первооснов. Первый блок образовали первоосновы морали, второй – политики, третий – права.

Идеология, как любое понятие, имеет определение. При этом следует иметь в виду этимологическую сторону, трактовку идеологии в общем и узком смысле.

«Идеология (греч. *ιδεολογία*, от греч. *ιδέα* – прообраз, идея; и *λογος* – слово, разум, учение) – учение об идеях.

В общем смысле **идеология** – это понятие, обозначающее структурированную систему определённых (чаще политических, социальных или общественных) чётко сформулированных положений и идей.

В более узком смысле **идеология** (в рамках системно-управленческого подхода) – это логическая и психологическая поведенческая основа системы политического управления» [4].

Идеологию вполне можно определить как «систему взглядов и идей, политических программ и лозунгов, философских концепций, в которых осознаются и оцениваются отношения людей к действительности и друг к другу, которые выражают интересы различных социальных классов, групп, обществ» [4].

Опыт преподавания идеологических аспектов социально-гуманитарных дисциплин свидетельствует, что у студентов вызывает сложность выяснение соотношения науки и идеологии. Прежде всего следует обратить внимание на то, что они не тождественны. Вместе с тем было бы неправильным утверждать, что идеология всегда свободна от научных знаний. В идеологических системах прослеживается присутствие соответствующего сегмента. Принципиально важно отметить, что у субъектов познания в идеологической и научной сферах разные мотивации, разные механизмы познавательной деятельности. Субъект научного познания объективен, беспристрастен и в силу этого видит содержание

своей деятельности в познании сугубо реального мира. Тот мир, который представлен в идеологических системах, нельзя назвать сугубо реальным. Здесь есть как реальные, так и нереальные идеи. Любой автор идей как реальных, так и нереальных, конечно же, не может не согласиться со следующей цитатой из наследия Маркса: «Идеи только тогда становятся материальной силой, когда они овладевают массами». Практика показывает, что в большинстве случаев поданная в красивой упаковке, рассчитанная на обыденное сознание нереальная идея «овладевает массами» успешнее, чем опирающаяся на мощную доказательную базу подлинно научная идея, рассчитанная на теоретическое сознание, то есть на тонкий слой интеллектуалов, по-настоящему образованных людей. Авторы нереальных идей делят факты окружающей действительности на две части: на выгодные для них и невыгодные и обосновывают эти идеи только выгодными фактами, что никак не допустимо в науке.

Разумеется, различие содержательных сторон предопределяет различие в пропаганде научных знаний и конкретных идеологий. Формы пропаганды совпадают. Соответствующие субъекты пропаганды делают это и в устной, и в печатной форме, используют наглядность, агитируют, постоянно берут в расчёт возможности СМИ. Однако если носители научных знаний стремятся представить истинную картину мира, то пропагандисты конкретных идеологий выдают себя за монополистов соответствующих знаний, не всегда адекватно отражая реалии.

Перечисленные выше моменты характерны для всех идеологических систем, что, естественно, будет учитываться в процессе дальнейшего изложения. Его содержательную сторону составят только те из данных систем, которые имеют существенный удельный вес в современном удельном ландшафте.

Первая из рассматриваемых систем – либеральная. Исходный пункт при её рассмотрении – обращение к соответствующей этимологии, к корням данной идеологической системы.

Термин «либерализм» происходит от латинского «liberalis», что означает свободный. Корни либерализма следует связывать с античным наследием. Либералы всех эпох по части позиций мыслят теми же категориями, что и эллины Лукреций, Демокрит. Правда, последние никогда не позиционировали себя как представители либерального течения, не претендовали на то, чтобы заполнять соответствующую нишу в древнегреческом политическом интерьере. Эта ниша стала заполняться не в Древней Греции, а в Западной Европе в разгар становления индустриальной цивилизации, начиная с того времени, когда подходил к завершению XVII век. Именно в этом веке произошла английская буржуазная революция, давшая мощный импульс процессу перехода от преиндустриальной к индустриальной цивилизации в западноевропейском масштабе. Свидетели этого процесса англичане Д. Локк, Т. Гоббс, А. Смит дали ему целостное идеологическое обоснование. Именно благодаря им удалось очертить то поле в идейном интерьере общества, которое однозначно отождествлялось с либерализмом. В тех реалиях, английская политическая философия выполнила социальный заказ субъектов капиталистического предпринимательства, которые были втянуты в рыночное хозяйство на основе свободной конкуренции. Разу-

меется, для этих субъектов и свободная конкуренция, и цивилизованный рынок, и стимулируемое государством предпринимательство были идеалами, полностью совпадавшими с их социальным профилем. Именно эти идеалы составили базис либерализма. Примечательно, что уже ранний либерализм проповедовал органическое единство трёх блоков. В первый блок вошла свобода личности, во второй – однозначно уважительное отношение к фундаментальным правам человека, в третий – прочное гарантирование функционирования института частной собственности.

Изложенная выше квинтэссенция либерализма следующим образом конкретизировалась в политической сфере. В данном сегменте либеральной идеологии постоянно присутствует равенство всех граждан перед законом, перманентно исключается признание любой природы государства, кроме договорной. Окончательное утверждение индустриальной цивилизации маркировало включение в политическую философию либерализма убеждение о «равноправии соперничающих в политике «профессиональных, экономических, религиозных, политических ассоциаций, ни одна из которых» не может иметь «морального превосходства и практического преобладания над другими» [1].

Либерализм сразу же отделился чётким отмежеванием от этатизма, продемонстрировав свою нелояльность к государству как к ключевому институту политической системы. Он уже на старте своего появления по самым высоким меркам оценивал ответственность субъектов политического процесса как в лице отдельных граждан, так и в лице отдельных организаций, объединений, ассоциаций, воспринимал плюрализм как оптимальную модель взаимоотношений между данными субъектами. Либералы чётко позиционировали себя как адепты межконфессионального мира, выступали носителями идеи конституционализма.

Конечно, новое течение не могло дать ответы на все вызовы времени. Более того, внутри него имелся проблемный комплекс, наличие которого ощущается до сих пор. «Главными проблемами либеральной идеологии всегда были определение допустимой степени и характера государственного вмешательства в частную жизнь индивида, совмещение демократии и свободы, верности конкретному Отечеству и универсальных прав человека» [1]. Перманентно «оказывались внутренне противоречивым интеллектуальным предприятием попытки объединить в рамках либеральной традиции либертариистский пафос и претензии на научность» [3, с. 303]. Разумеется, острота этих проблем детерминировалась конкретно-исторической ситуацией. Вместе с тем они постоянно коррелировались и коррелируются с реалиями, что предопределяло и предопределяет дифференциацию в либеральном лагере. При этом принципиально важно отметить, что субъекты данной дифференциации связаны общим либеральным знаменателем их концепций. Под этим общим знаменателем имеются в виду базовые ценности либерализма.

До XX в. указанная дифференциация проявлялась слабо. Минувший век, ознаменовавшийся неоднократным прохождением экзамена на системную прочность зоны индустриальной цивилизации, становлением и совершенствованием постиндустриальной цивилизации, жёстким противостоянием между индустриальной и постиндустриальной цивилизациями, с одной стороны, и с

тоталитарным миром, с другой, был отмечен резким усилением данной дифференциации. В нынешнем веке прослеживается не меньшая мозаика либеральных идей, чем в двадцатом.

Касательно градации идей в либеральном лагере прежде всего отметим, что в нём всегда была, есть и остаётся ниша для традиционного либерализма. Вместе с тем в XX в. отдельные группировки стали ревизовать его по следующим позициям. Одна группировка предлагала перекинуть мостик между традиционным либерализмом и этатизмом, считая государство тем институтом, на который стоит всецело полагаться для наполнения реальным содержанием базовых либеральных ценностей. Другая группировка была не согласна с тем, что индивид и только он является субъектом обеспечения необходимых для него благ. Она, во-первых, включала в свой идейный арсенал тезис о том, что таких субъектов должно быть два: индивид и общество и, во-вторых, считала, что удельный вес первого субъекта в этом обеспечении должен быть меньшим, чем второго. Третья группировка первой из либерального лагеря дала отрицательный ответ на следующий вопрос: «Должна ли реальная практика властных структур иметь чётко очерченный социальный вектор?» За таким подходом закрепилось название «консервативный либерализм».

Удельный вес первой и второй группировок стал существенно возрастать тогда, когда стал востребованным поиск ответа на следующий вопрос: «Как не допустить повторения того социалистического эксперимента, который был осуществлён в России (Советском Союзе) представителями фундаменталистского течения в марксизме, пришедшими к власти в результате государственного переворота, совершенного 25-26 октября 1917 года?» Именно благодаря названным группировкам правящие круги зоны индустриальной цивилизации стали делать первые, преимущественно робкие, шаги в направлении социализации производственно-экономических отношений, о чём свидетельствовала временная частичная стабилизация капитализма 1924-1929 гг.

«В целом же, усиление элементов государственной идеологии и социальных целей, адаптировавших традиционные ценности либерализма к экономическим и политическим реалиям второй половины XX в., заставило говорить о его исторически обновленной форме – неолиберализме. Важнейшим достоинством политической системы здесь провозглашалась справедливость, а правительства – ориентация на моральные принципы и ценности. В основу политической программы неолибералов легли идеи консенсуса управляющих и управляемых, необходимости участия масс в политическом процессе, демократизации процедуры принятия управленческих решений. В отличие от прежней склонности механически определять демократичность политической жизни по большинству, стали отдавать предпочтение плюралистическим формам организации и осуществления государственной власти. Причем Р. Даль, Ч. Линдблум и другие неолибералисты считают, что чем слабее правление большинства, тем оно больше соответствует принципам либерализма. Правда, представители праволиберальных течений (Ф. Хайек, Д. Эшер, Г. Олсон) полагают, что при плюрализме способны сформироваться механизмы экспроприации большинством богатого

меньшинства, а это может поставить под угрозу основополагающие принципы либерализма» [1].

Неолиберализм видит в среднестатистическом гражданине не статиста, а динамично наполняющего реальным содержанием субъекта социальных процессов, перманентно профилирующего себя и в политике, и в предпринимательской сфере, не позволяющего зомбировать себя распространителями предрассудков. Идеологи этого течения считают, что каждый индивид вправе сам определять меру личной ответственности в вопросах нравственного поведения. Идеологи этого течения считают, что каждый индивид вправе сам определять меру личной ответственности в вопросах нравственного поведения. Они конкретизируют настоящий тезис «в виде двух известных максим: 1) индивид не несёт ответственности за свои действия, если эти действия не затрагивают ничьих интересов, кроме его собственных; 2) индивид ответственен только за те действия, которые наносят ущерб другим» [3, с. 303]. Конечно, реализация таких морально-этических установок не может выступать фактором консолидации общества. Перечисленные особенности неолиберализма сужают свободу маневра соответствующей политической элиты в её отношениях с потенциальными избирателями.

Закономерно возникает вопрос: «Какая составляющая неолиберализма была главной в новейшей истории?» Ответ на него даёт опыт выхода из кризисов, имевших системный масштаб.

Первый опыт был накоплен в связи с поиском жизнеспособных инструментов, направленных на снятие проблемного комплекса, порождённого мировым экономическим кризисом 1929-1933 гг. В результате этого поиска в идейном ландшафте стран традиционной демократии впервые стали профилировать себя неолиберализм и кейнсианство. Они прежде всего представили своё специфическое видение генезиса системного кризиса, «подорвавшую традиционные представления о безграничных возможностях саморегулируемости рынка. Если Дж.М. Кейнс объяснял недуги рыночной экономики (капитализма) хроническим недостатком совокупного спроса, то основоположники неолиберализма видели непосредственную причину кризисов, безработицы, инфляции в подрыве совершенной конкуренции и монополизации хозяйственной деятельности, нарушающих действие рыночных регуляторов. Неолиберальная концепция и в теоретических разработках и в практическом применении основывается на идее приоритета условий для неограниченной свободной конкуренции не вопреки, а благодаря определенному вмешательству государства в экономические процессы. В центре неолиберализма – личная инициатива, экономическая свобода, конкуренция и ограничение монополий. Неолибералы отрицательно относятся к «благодетельному» государству: социальные мероприятия могут проводиться только за счёт текущих доходов страны, не слишком обременяя экономику» [2]. Указанный проблемный комплекс в 1930-х гг. снимался не неолиберальными рецептами, а иными инструментариями, включая кейнсианские.

Неолиберальные концептуальные карботки 1930-х гг. впервые прошли апробацию на западногерманской территории. Сначала речь шла о западных зонах оккупации, а затем о Федеративной Республике Германия. Известно, что

во второй половине 1940-х гг. перед соответствующими властными структурами возникла дилемма: или обратиться к ранее апробированным моделям, или сконцентрироваться на принципиально новой модели. Модель мобилизационной экономики, характерная для Третьего рейха, потерпела крах. Кейнсианские инструментарии не пользовались популярностью среди западногерманской политической элиты. Она глубоко уверовала в жизнеспособность такой неолиберальной концепции, как ордолиберализм. «Суть концепции заключена уже в ее названии, которое можно было бы перевести как «свобода в рамках порядка». Эта идея стала основой системы хозяйствования в ФРГ. В 60-е гг. несколько измененный вариант ордолиберализма в ФРГ получил название «социальное рыночное хозяйство». Эта модель экономики до сих пор остается официальной экономической политикой в ФРГ.

Исходной теорией ордолиберализма является учение о двух основных типах экономического строя, которое выдвигал еще в начале XX века известный немецкий социолог М. Вебер. Эту идею развил его соотечественник В. Ойкен. Последний считает, что, выделив самые типичные два основных типа экономического строя, можно изучать и объяснять практически все известные в истории человечества хозяйственные системы. Такими типичными или «идеальными» типами экономического строя В. Ойкен называет «центрально-управляемое хозяйство» и «хозяйство общения» (или рыночное). Он предлагает «хотя бы частичное вмешательство государства в «хозяйство общения» [2], положив конец его «пассивности» [2].

Итак, второй опыт был первым опытом реальной апробации неолиберализма. В 1945 г. в Германии был точно такой же коллапс народнохозяйственного комплекса, как и во времена мирового экономического кризиса 1929–1933 гг. Ориентируясь на ордолиберализм, западные немцы в рекордно короткие сроки покончили с этим коллапсом, а затем создали одну из ключевых экономик в мире. Более того, ряд существенных элементов западногерманской модели был позаимствован многими странами, входящими в зону рыночной экономики. Стало реальностью межсистемное соревнование между зоной социального рыночного хозяйства и зоной социалистической плановой экономики. Последняя потерпела в этом соревновании сокрушительное поражение, что явилось одной из важных причин народно-демократических революций 1989–1990 гг. в Центральной и Восточной Европе, кардинальных геополитических изменений (объединения Германии, распада СССР и т.д.).

Неолиберализм оказался востребован и на постсоциалистическом пространстве. Сначала большая часть государств сориентировалась на неоконсервативные инструментарии системной трансформации народнохозяйственного комплекса. Однако такая ориентация привела к резкому усилению социальной напряженности и тамошние власть имущие взяли на вооружение неолиберальную в своей основе градуалистическую концепцию.

Таким образом, неолиберализм в анализируемый период профилировал себя прежде всего экономической составляющей.

Есть все основания считать, что в XX – начале XXI вв. общий знаменатель либеральных течений наложил печать на глобальный идейный ландшафт. Имея

потребность в пополнении идейного багажа, к этому общему знаменателю обращались разработчики концептуальных основ национальных движений, ведущие теоретики из лагеря неоконсерваторов, христианских демократов, авторы концепций политического участия, демократического элитизма. География соответствующих субъектов политических процессов расширялась весьма активными темпами, охватив все континенты. «Эти грандиозные исторические изменения, вызванные влиянием либерально-демократических ценностей, позволили ряду зарубежных теоретиков (например, Ф. Фукуяме) полагать, что мировое сообщество уверенно движется к «концу истории», т.е. универсализации государств, воплощающих принципы свободы и равенства граждан и потому способных решить все фундаментальные проблемы человеческого сообщества»[1]. Конечно, данные теоретики допустили преувеличение, игнорируя то обстоятельство, что при реализации либеральных установок немало принципиально важных вопросов выносилось за скобки.

В связи с наличием внутри либерализма ранее обозначенного проблемного комплекса, неспособностью этого течения ответить на все вызовы времени вполне понятным представляется социальный заказ и на другие течения. Сама логика изложения подсказывает, что следующим объектом рассмотрения в настоящей брошюре станет наиболее выраженный антипод либерализма – консерватизм.

Термин «консерватизм», как и «либерализм», имеет иностранное происхождение. Во французском языке *conservatisme*, а в латинском *conservare* означает охранять, сохранять. Что же охраняют и сохраняют консерваторы?

«Консерватизм как политическая идеология являет собой не только систему охранительного сознания, предпочитающую прежнюю систему правления (независимо от ее целей и содержания) новой, но и весьма определенные ориентиры и принципы политического участия, отношения к государству, социальному порядку и т.д.» [1]. Из самого определения консерватизма вытекает, что он мог появиться там и тогда, где и когда либерализм переставал выполнять социальный заказ. Известно, например, что Великая Французская революция 1789 г. происходила под знаменем либеральных идей. В первые постреволюционные годы французские реалии никак не работали на либерализм. Альтернативу последнему весьма активно стал предлагать Э. Берк, к которому затем присоединились Ж. де Местор, Л. де Бональд. Все трое были едины в следующих убеждениях.

Во-первых, общественное развитие цементируется преемственностью и, естественно, именно преемственность представляется высшим приоритетом в этом развитии. Все другие приоритеты, включая инновацию, занимают в соответствующей шкале более низкое место.

Во-вторых, не может быть альтернативы для того *status quo*, которое является результатом естественных процессов.

В-третьих, иерархия в социуме – это данность, исходящая от надсоциальных, надприродных сил. В свете настоящей данности следует рассматривать наличие в социуме двух сегментов: 1) привилегированного сообщества; 2) непривилегированного сообщества.

В-четвёртых, считая ключевыми опорами общественного бытия семью, религию, собственность, Э. Берк, Ж. де Местор, Л. де Бональд одновременно рассматривали их как объект действия незыхлемых моральных регуляторов.

В-пятых, охраняя, сохраняя перечисленные выше позиции, консерватизм консолидирует общество, делает его по-настоящему стабильным, детерминирует передачу новым поколениям именно стабильного, консолидированного общества. Безусловно, вопрос о том, какое общество передаёт одно поколение другому, – это вопрос, имеющий прежде всего моральную природу. Это – вопрос о выполнении морального долга. Консерваторы считают, что настоящий долг невозможно выполнить, делая акцент на индивидуальную свободу, придерживаясь твёрдой веры в общественный прогресс.

«На основе этих фундаментальных подходов сформировались и окрепли характерные для консервативной идеологии политические ориентиры, в частности отношение к конституции как к проявлению высших принципов (которые не могут произвольно изменяться человеком), воплощающих неписаное божественное право, убежденность в необходимости правления закона и обязательности моральных оснований в деятельности независимого суда, понимание гражданского законопослушания как формы индивидуальной свободы и т.д. И это заставляло консерваторов сомневаться в ценностях эгалитаризма, препятствовало отождествлению демократии со свободой и эффективным управлением обществом» [1].

Следует иметь в виду, что первоначально консерватизм отвечал на вызовы индустриальной цивилизации. У неё, как и у любой цивилизации были своя логика, свои ценности, свои институты. Среди её несущих конструкций ключевой была бизнес-элита, которую удовлетворял тот вариант взаимоотношений между государством и народнохозяйственным комплексом, который исключал вмешательство властных структур в этот комплекс. Не видя альтернативы свободному рынку, конкуренции, анализируемая идеология, выполняя социальный заказ бизнес-элиты, отвергла тот вариант подобных взаимоотношений, который по определению был несовместим с этими ключевыми моментами индустриальной цивилизации. Кстати, убеждение в подобной несовместимости присутствовало и у либералов.

При ретроспективном обращении к консерватизму оказывается, что и его идеологическая платформа точно так же не оставалась абсолютно неизменной, как и у либерализма. В этом несложно убедиться, обратившись к идейному ландшафту начала и второй половины XX в. И в первом, и во втором случаях речь шла о дифференциации внутри консерватизма.

В первом случае консерватизм отвечал на тупики индустриальной цивилизации. В процессе поисков соответствующих ответов консервативный сегмент идейного ландшафта стали заполнять антисемитизм, расизм, иррационализм, национализм. В этих принципиально новых течениях прослеживались однозначное исключение народовластия как модели функционирования политической системы, умаление прав субъектов социума в силу их социального происхождения, этнической принадлежности. Содержание данных течений никак не стыковалось с тем обстоятельством, что до начала XX в. консерватизм посто-

явно позиционировал себя предложением политических по своей природе инструментов для снижения социальной напряжённости. Основоположники указанных течений считали, что настало время заменить настоящие инструменты сальвыми. Несомненно, динамика общественного прогресса совпала с появлением консервативных течений, которые никак не назовёшь прогрессивными.

Консерватизм не мог оставаться неизменным и после Второй мировой войны. Ему было необходимо оперативно адекватно реагировать на рост притягательности либеральных и социалистических идей. По вопросу об оптимальной модели общественного развития позиционировали как традиционный консерватизм, так и его новые модификации. Новое поколение идеологов консерватизма стремилось убедить субъектов социума в том, что предлагаемый им вектор общественного развития по своему характеру не является ни либеральным, ни социалистическим. К этому поколению относились А. Гелен, Х. Шельски, Г. Фрейер, с именами которых отождествлялся технократический консерватизм. У анализируемого течения всё чаще появлялись национальные формы. Впервые заполнилась ниша для христианско-католического консерватизма. Заявили также о себе приверженцы «реформаторского» консерватизма. Идейный багаж консерваторов обновился по следующим позициям.

Во-первых, произошли очевидные подвижки во взглядах на отношения между властными структурами и народнохозяйственным комплексом. Было согласие с тем, что в этих отношениях должен присутствовать момент государственного вмешательства. Консерваторы впервые стали не противиться тому, чтобы корпус субъектов управления производством пополнялся за счёт работников. Вместе с тем перечисленные «идейные течения решительно ставили вопрос об укреплении законности, государственной дисциплины и порядка, не признавали инициированных реформ» [1].

Во-вторых, участвуя в поисках оптимальной модели функционирования политической системы, «консерваторы... предлагали... дополнить выборность народных представителей выдвижением в органы управления наиболее «достойных» (с точки зрения властей) граждан» [1].

Следующий этап в истории консерватизма связан с постиндустриальной цивилизацией. Эта цивилизация принесла с собой целый круг вызовов, на которые чрезвычайно сложно было оперативно дать рационально осмысленные ответы. Не удивительно, что часть идеологов консерватизма пошла по линии наименьшего сопротивления и стала объяснять новые реалии с иррациональных позиций, предлагая при этом явно неконструктивную платформу действий. Типичный образец такого подхода – идейные воззрения французских «новых правых».

Другая часть консерваторов пошла по принципиально иному пути. Эта часть, названная неоконсерваторами, убедительно профилировала себя в связи с извлечением уроков из мирового экономического кризиса 1973-1974 гг. Они первыми заявили о том, что жёсткая ориентация на теоретическое наследие Д. Кейнса, которая была характерна для Западной Европы до начала 1970-х гг., в посткризисный период была бы контрпродуктивной. Заимствуя всё больше идей у либералов и сохраняя при этом базовые ценности консерватизма, не-

охранители выработали эффективную линию в отношении протестных настроений молодёжи Старого Света, беспрецедентный размах которых стал ключевым источником социальной напряжённости в ряде стран.

Идеологи неоконсерватизма своевременно попытались дать ответ на вопрос: «Есть или нет равновесие в системах, в которые вовлечён человек?» Оказалось, что человек не ощущает такого равновесия ни как субъект природы, ни как субъект социума. Его непосредственно затрагивают беспрецедентные по своей динамике изменения, которые никак не могут иметь в качестве своего логического продолжения равновесие духовных, экологических систем. Именно такой динамике подвержены стили жизни, жизненные стандарты, материальные и духовные потребности людей. В условиях научно-технической революции кардинально изменились субъектно-объективные отношения по линии человек – техника. Нет уже ни одной сферы бытия, в которой человек не являлся бы заложником технической среды.

«В этих условиях неоконсерватизм и предложил обществу духовные приоритеты семьи и религии, социальной стабильности, базирующейся на моральной взаимответственности гражданина и государства и их взаимопомощи, уважении права и недоверии к чрезмерной демократизации, крепком государственном порядке и стабильности. Сохраняя внешнюю приверженность рыночному хозяйствованию, привилегированности отдельных страт и слоев, эти ориентиры были четко направлены на сохранение в обществе и гражданином чисто человеческих качеств, универсальных нравственных законов, без которых никакое экономическое и техническое развитие общества не заполнит образовавшегося в людских душах духовного вакуума.

Основная ответственность за сохранение в этих условиях человеческого начала возлагалась на самого индивида, который должен прежде всего рассчитывать на собственные силы и локальную солидарность сограждан» [1]. В этой связи принципиально важно подчеркнуть, что неоконсерватизм чётко определился на предмет возможной причастности властных структур к удовлетворению потребностей индивида. Изложенная «позиция должна была поддерживать в нем жизнестойкость и инициативу и одновременно прелятьствовать превращению государства в «дойную корову», развращающую человека своей помощью. Эта модель отличалась от либеральной, сориентированной на предоставленного самому себе индивида, которому надлежит самостоятельно отыскивать смысл бытия, «договариваться» с государством и т.д. Государство неоконсерваторов должно было основываться на моральных принципах и сохранении целостности общества, обеспечивать необходимые индивиду жизненные условия на основе законности и правопорядка, предоставляя возможность образовывать политические ассоциации, развивая институты гражданского общества, сохраняя сбалансированность отношений общества с природой и т.д. И хотя предпочтительным политическим устройством для такой модели взаимоотношений гражданина и государства становилась демократия, все же основные усилия теории неоконсерватизма (Д. Белл, З. Бжезинский, Н. Кристолл и др.) тратили на разработку программ, преодолевающих дефицит управляемости обществом (из-за чрезмерного вовлечения в политику населения), защищающих государство

от социальных «перегрузок», модернизирующих механизмы защиты элитизма, совершенствующих средства урегулирования конфликтов и проч. [1]. Важно иметь в виду, что в соответствующей группе теоретиков чётко прослеживалась градация, зависящая от региональной принадлежности. «В американских версиях неоконсерватизма акценты, как правило, делались на определении путей эволюции государственности и организации власти, в то время как в западноевропейских течениях предпочтение отдавалось сохранению социокультурной среды, усовершенствованию нравственных традиций общества и стимулированию социальной активности индивида» [1].

Известно, что ключевыми экономико-политическими вопросами постиндустриальной эры были следующие: 1) Как обеспечить экономический рост? 2) Что следует сделать для того, чтобы политическая стабильность стала нормой? Отвечая на них, теоретики неоконсерватизма вынуждены были решать уравнение со многими неизвестными. Важно было оперативно определиться с местом планирования в шкале приоритетов государственной экономической политики, предложить оптимальный вариант минимизации безработицы, своевременно оценить плюсы и минусы позитивной динамики благосостояния. К сожалению, в соответствующих программах не прописывалась жизнеспособная рецептура по противодействию значительному увеличению денежной массы сверх потребностей товарного обращения, снижению уровня жизни среднестатистического гражданина. «Однако по сравнению со способностью (неоконсерватизма. – М.С., П.М.) дать человеку относительно целостную картину мира, отвечающую его основным нуждам и запросам, все эти частности отходили на второй план. Главное, что неоконсерватизм, согласовав рациональное отношение к действительности с моральными принципами, дал людям ясную формулу взаимоотношений между социально ответственным индивидом и политически стабильным государством.

Неоконсерватизм обнажил те черты консервативной идеологии и образа мысли, которые сегодня оказались способными защитить человека на новом технологическом витке индустриальной системы, определить приоритеты индивидуальной и общественной программ жизнедеятельности, очертить облик политики, способной вывести общество из кризиса. Более того, на такой идейной основе неоконсерватизм синтезировал многие гуманистические представления не только либерализма, но и социализма, а также ряда других учений» [1]. Неоконсервативный сегмент в современном идейном ландшафте в целом является значительным. Можно однозначно прогнозировать увеличение его удельного веса. Вместе с тем неолиберальные по своему идеологическому профилю субъекты политического процесса имеют более широкую электоральную базу, чем неоконсервативные. Из этого вытекает гораздо более частая представленность неолибералов во властных структурах. Для показа полноты картины важно также иметь в виду и мощные позиции неоконсерваторов в отдельных странах, которые играют чрезвычайно важную роль в мировой политике. Так, республиканская партия много раз была правящей в США, либерально-демократическая партия на протяжении полувека имела такой же статус в Японии, консервативная партия является главной в нынешнем британском правительстве.

Либеральная и консервативная идеологии занимают в идейном спектре общества места соответственно в центре и правее от центра. Их ключевой конкурент среди идеологий, чьё место находится левее от центра, — социалистическая идеология.

Настоящую идеологию можно вкратце обозначить как социализм. Термин «социализм» происходит от французского *socialisme*, латинского *socialis*, что означает общественный. При ретроспективном взгляде на идейный интерьер общества оказывается, что ниша для социалистических воззрений в нём существовала всегда и, естественно, все этапы цивилизационного развития были отмечены наличием людей с соответствующими взглядами. Однако социализм далеко не сразу предстал в виде окончательно сложившегося идеологического комплекса. Формирование соответствующего комплекса было завершено немецкими мыслителями Карлом Марксом и Фридрихом Энгельсом. Главной фигурой в этом дуэте был Карл Маркс, и поэтому сформулированная этими мыслителями концепция социализма получила название марксистской. Ключевым источником для формирования марксистской концепции явилось теоретическое наследие французов Ж.Ж. Руссо и Ф. Бабёфа. Обращаясь к рассмотрению соответствующего сегмента наследия Ж.Ж. Руссо, следует разобраться с тем, что же такое эгалитаризм. По-французски *egalitarisme*, *egalite* означает равенство. Эгалитаристы, главным идеологом которых был Ж.Ж. Руссо, искренне верили в то, что обязательно наступит время, когда социальные различия, социальное неравенство станут достоянием истории, то есть они являются этапом, который в далёкой исторической перспективе будет сменён этапом всеобщего равенства. Путь всеобщей уравнительности, предложенный французским мыслителем, был утопичным в своей основе. Естественно, именно таким было намерение Маркса и Энгельса достичь такого равенства в рамках их собственной концепции. В этой концепции они вслед за Ф. Бабёфом считали, что субъекты современного им общества различаются по классовому признаку, что именно насилие явится прологом формирования общества, в котором восторжествуют социалистические идеалы.

Изложенная Марксом и Энгельсом доктрина «в целом недооценивает, а то и вовсе отрицает, значение экономической свободы индивидов, конкуренции и неодинакового вознаграждения за труд как предпосылок роста материального благосостояния человека и общества. В качестве заменяющих их механизмов рассматриваются нетрудовое перераспределение доходов, политическое регулирование экономических и социальных процессов, сознательное установление государством норм и принципов социального равенства (неравенства) и справедливости. Иначе говоря, **главными прерогативами в социалистической доктрине обладает государство, а не индивид, сознательное регулирование, а не эволюционные социальные процессы, политика, а не экономика** [1].

К. Маркс и Ф. Энгельс рассматривали социализм как первую фазу коммунистической общественно-экономической формации. Они считали, что от этой фазы можно затем перейти к «более отдаленному обществу «всеобщего изобилия» — коммунизму от французского *communisme*, латинского *communis*, что означает общий. В. И. Ленин, пытаясь соединить эти идеи с рабочим движени-

ем в России и разработав учение об этапах социалистической революции, о сломе «буржуазной государственной машины», «диктатуре пролетариата» и т.д., рассматривал социализм как непосредственную политическую цель деятельности партии «нового типа».

Однако, пытаясь обосновать, почему революции происходят в менее, а не в более развитых капиталистических странах, стремясь создать новое общество в соответствии с марксистской доктриной, Ленин и его соратники стали **проводниками фундаменталистского течения в «научном социализме»** [1].

Принципиально важно отметить, что наследие Маркса являлось одним из источников формирования не только ленинской версии социализма, но и социал-демократической идеологии. Дело в том, что ранний Маркс в отличие от позднего рассматривал социализм, коммунизм не как конечную цель, а как движение. Именно к раннему Марксу обратились отцы-основатели социал-демократической идеологии К. Каутский, А. Бебель, Э. Бернштейн. Э. Бернштейн чётко и ясно заявлял: «Движение – всё, конечная цель – ничто!» Он и его единомышленники считали, что существующие реалии позволяли продвигаться к социализму не революционным, а эволюционным путём. К. Каутский, А. Бебель, Э. Бернштейн обращали внимание на то, что для подобного продвижения следует целенаправленно реализовывать потенциал государства, функционирующего в условиях буржуазной демократии.

«Теоретическое противоборство марксистско-ленинской и социал-демократической идеологии на протяжении всего XX столетия породило ряд существенных различий в попытках реализации принципов «социально справедливого общества» [1].

Ленинский фундаментализм явился главным теоретическим источником для появления политики «военного коммунизма» и административно-командной системы в Советской России (СССР). Коммунисты-ленинцы реально осуществляли политику «военного коммунизма» в 1917-1921 гг., ориентировались на административно-командную систему с конца 1920-х гг. до начала 1990-х гг. Период, связанный с административно-командной системой, был отмечен различными вариациями, у которых был, естественно, единый ленинский стержень.

Наиболее одиозная вариация – сталинская. Сталинская система держалась на мифах о перманентной угрозе пролетарской власти со стороны внутренних и внешних врагов, активность которых находится в прямой зависимости от динамики социалистического строительства. Советским людям внушалось, что чем ошутимее продвижение СССР к светлому будущему, тем сильнее подобная угроза. Исходя из подобного мифогворчества, сталинское руководство систематически задействовало репрессивный аппарат, чтобы полностью исключить из системы экономических отношений частную собственность, создать крупное машинное производство во всех отраслях экономики, объединить единоличные крестьянские хозяйства в сельскохозяйственные артели. Сталинская репрессивная машина сделала нормой применение феодальных и рабовладельческих методов в народнохозяйственном комплексе. Эти методы применялись в условиях террора, физического истребления немалой части соотечественников.

Те вариации административно-командной системы, которые были реализованы в СССР при преемниках Сталина, оказались менее одиозными. Имели место изъятия из сталинского наследия. Вместе с тем несущая конструкция данной системы оставалась неизменной.

Известно, что после Второй мировой войны СССР экспортировал свою модель социализма в страны Восточной Европы, которые стали составной частью внешней империи Кремля. Вместе с тем в настоящем регионе были и попытки отчётливо дистанцироваться от Москвы, профилировать себя принципиально иным пониманием путей и методов строительства социализма. Это было в наибольшей степени характерно для Социалистической Федеративной Республики Югославии (СФРЮ).

Отцом югославской модели социализма являлся Иосип Броз Тито. Он 35 лет бессменно возглавлял югославскую компартию и 27 лет был главой югославского государства. От его имени произошёл термин «титизм», который в своей содержательной части включает следующие моменты.

Момент первый. Югославы и только они решают, какой социализм им нужен. Ни одна страна не должна стать объектом экспорта социализма. По мнению Тито, в качестве данного объекта выступали зарубежные по отношению к СССР страны, которые входили в Организацию Варшавского Договора (ОВД) и Совет Экономической Взаимопомощи (СЭВ). Югославия же избрала в качестве главного внешнеполитического приоритета — участие в Движении Неприсоединения. В этом движении СФРЮ профилировала себя и как лидер, и как социалистическая страна, которая во многом отличается от членов ОВД и СЭВ.

Момент второй. Мирное сосуществование противоположных социально-экономических систем — социалистической и капиталистической — вполне возможно. Стремление к перманентному поддержанию подобного сосуществования логически вытекало из заинтересованности официального Белграда в принципиальном исключении конфронтации с капиталистическим миром.

Момент третий. Югославы не соглашались с тем, что в социалистической стране должно быть всевластие коммунистической партии. Они не ставили знак равенства между статусом правящей партии и всевластием.

Момент четвёртый. Тито и его сторонники не видели логики в тезисе идеологов КПСС о социализме без внутренних конфликтов и противоречий. Отец югославской модели социализма признавал наличие последних. При этом он считал главным противоречие между сторонниками и противниками принципиальной дебиюкратизации.

Момент пятый. В СФРЮ была реализована модель самоуправленческого социализма. Ключевой структурой в системе югославского самоуправления был рабочий коллектив, который выступал в качестве субъекта коллективного труда, субъекта распределения полученной в результате этого труда прибыли.

Известны и реализованные вне Восточной Европы модели социализма. В Азии в данном плане отметились Генеральный секретарь Коммунистической партии Китая (КПК) Мао Цзедун и Генеральный секретарь Трудовой партии Кореи (ТПК) Ким Ир Сен. С первым генетически связан маоизм, со вторым — чучхе.

Мао Цзедун многое взял от сталинской системы. Его система власти держалась на тех же мифах, что и сталинская. Мао Цзедун и Сталина объединяла убежденность в приоритетности противостояния врагам как внешним, так и внутренним. Правда, в отличие от Сталина Генсек КПК выступил за то, чтобы настоящее противостояние осуществлялось в форме «партизанской борьбы». Заметим, что многие адепты Мао за пределами социалистического Китая ведут её до сих пор, дестабилизируя обстановку в различных уголках планеты. Как и российские народники, китайский лидер рассматривал крестьянство как гегемон социалистического строительства. Мао полагал, что некрестьянский сегмент должен тянуться за революционным по своей природе крестьянством. По его мнению, этот сегмент и прежде всего та его часть, которая отождествляется с интеллигенцией, должны пройти деревенские университеты, пройти у крестьянства школу воспитания. Лидер китайских коммунистов стремился наиболее активно довести до логического конца свои замыслы во время «культурной революции». Миллионы его соотечественников пережили тяжёлую драму, став заложниками маоистских экспериментов.

Ещё большую драму переживают на протяжении без малого двух третей века миллионы северокорейцев, которые являются объектами применения идей чучхе.

Касательно идей чучхе следует выделить основные положения, общефилософские взгляды и критику.

В рамках основных положений давались ответы на следующие вопросы: 1) Кто должен быть субъектом истории, субъектом созидания социалистического будущего? 2) Как должна выглядеть страна в глобальном интерьере в период строительства и совершенствования социализма? 3) Какова должна быть военная составляющая в комплексе мероприятий, гарантирующих неизбежность социалистических завоеваний, суверенитет, независимость страны? 4) Как должен относиться народ к лидеру социалистической революции, социалистической страны?

Под субъектом, относящимся к первому вопросу, понималась «нация, обладающая высоким чувством национальной гордости и революционного достоинства» [5].

При ответе на второй вопрос имелась в виду страна, жёстко замкнутая на автаркии, изоляционизме. Полностью игнорируя интернационализацию хозяйственной жизни, адепты идей чучхе утверждали, что «социалистической самостоятельной экономике» вполне по силам «удовлетворение потребностей страны и населения». Они отождествляют революционный процесс с «борьбой за реализацию народными массами их потребностей в самостоятельности» [5].

Отвечая на третий вопрос, Ким Ир Сен и его идейные наследники фактически обозначили милитаризацию как стержень народнохозяйственного комплекса, считали, что ещё до революции надо повсеместно формировать социалистических милитаристов до мозга костей с тем, чтобы после революции вся нация предстала как монолит, способный её защитить в любой момент. В этой связи обращают на себя внимание следующие положения:

- «Народ каждой страны обязан бороться не только против агрессии и порабощения, за последовательную защиту своей самостоятельности, но и против

империализма и доминационизма, посягающих на самостоятельность народов других стран.

- Чтобы установить общенародную и всегосударственную систему обороны, надо вооружить весь народ и превратить всю страну в крепость.

- Сидеть сложа руки, ожидая, пока созреют все необходимые условия, равнозначно отказу от революции» [5].

- Ответ на четвёртый вопрос не оставляет никакого сомнения в том, что одной из несущих конструкций чучхе является вождистская идеология. Ознакомление с ней позволяет разобраться с «правильным взглядом на революцию» в трактовке Трудовой партии Кореи. По мнению идеологов ТПК, «чтобы выработать правильный взгляд на революцию, требуется обязательно положить в основу воспитания чувство безаветной преданности вождю» [5].

Как же соотносятся указанные положения с общефилософским блоком идеологической системы чучхе?

- Одни тезисы настоящего блока противоречат данным положениям, а другие их дополняют. Касательно первых можно привести такой пример. Адепты чучхе пытаются совместить «чувство безаветной преданности вождю» с убеждением в том, что «человек – властелин мира и хозяин своей судьбы» [5]. В основе «чувства безаветной преданности вождю» лежит однозначно рабская психология, носитель которой никак не может быть ни «властелином мира» [5], ни «хозяином своей судьбы» [5]. В рамках идеологической системы чучхе вождь монополизирует теоретическое сознание. Естественно, его соотечественники превращаются в зомби, которые в плане теоретического сознания не стыкуются с тезисом о том, что «сознание – высшая функция человеческого мозга» [5]. Кроме того, «чувство безаветной преданности вождю» [5] в определённой степени деформирует здоровые начала в обыденном сознании.

Зомби должны безоговорочно принять далеко не бесспорные тезисы:

- «Природа – объект труда человека и материальный источник человеческой жизни;

- Человек, заразившийся низкопоклонством, перестаёт адекватно воспринимать реальность» [5].

В первом тезисе никак не прослеживается чёткий и ясный ответ на следующий вопрос: «Какую природу человек должен оставлять после себя?» Возможны, разумеется, варианты ответа: 1) человек оставляет после себя биологическое равновесие в результате предельно вдумчивого, предельно бережного отношения к природе; 2) человек оставляет после себя нарушение биологического равновесия в результате жёсткого зашкливания на выполнении потребительской функции в соответствующем сегменте бытия. Действуя строго в соответствии с формулировкой тезиса, вся нация может превратиться в субъект выполнения указанной функции.

Во втором тезисе чучхенсты прямо не прописывают, кого они понимают под объектами «низкопоклонства». Вместе с тем сама логика их мышления подводит к выводу о том, что речь идёт прежде всего о ключевых акторах современных международных отношений. Большинство данных акторов – это страны, принадлежащие к постиндустриальной цивилизации, характеризую-

шейся высоким жизненным стандартом среднестатистического гражданина, господством информационных технологий, прочным функционированием демократических институтов.

Касательно ортодоксальных версий социализма следует также отметить, что у них осталось поле для непосредственной апробации и после краха мировой системы социализма. Вместе с тем можно смело утверждать, что при жизни нынешней и нескольких ближайших будущих поколений это поле не будет столь объёмным, как в XX веке.

После смерти Маркса в марксистском лагере параллельно с ортодоксами были и остаются оригинально мыслящие лица, которые в своих теоретических построениях выходили за рамки ортодоксальных версий социализма.

Первый заслуживающий внимания пример – подходы М. Адлера и О. Бауэра. Эти австро-марксисты свели к единому общему знаменателю две идеологии: коммунистическую, социал-демократическую.

Второй пример – желание А. Шаффа, Г. Петровича доказать, что имеет право на существование «гуманистический» марксизм.

Третий пример – существование концепции «экологического» социализма.

Четвёртый пример – обнародование теории «христианского» социализма.

И всё же в социалистическом лагере в XX в. преобладали ортодоксы. Представительством неортодоксов было в нём незначительно.

К анализируемому вопросу имеет отношение и еврокоммунизм.

«Еврокоммунизм – политика и теоретическое обоснование деятельности ряда коммунистических партий Западной Европы, в 1970-х и 1980-х годах критиковавших руководство КПСС в мировом коммунистическом движении, концепцию диктатуры пролетариата и недостаток политических свобод в странах, принявших советскую модель социализма. Вместе с тем еврокоммунизм декларировал верность марксизму (не марксизму-ленинизму) и не идентифицировал себя с социал-демократией. Это вызывало сомнения в его чёткой идентичности» [6].

Спектр субъектов еврокоммунизма был достаточно широк. Свыше двух десятилетий последовательно выдерживала соответствующую ориентацию Итальянская коммунистическая партия (ИКП) – самая массовая по численности компартия несоциалистической части планеты, за которую на парламентских выборах голосовало до 30% избирателей. В 1970-х гг. убедительно профилировала себя в этом плане Коммунистическая партия Испании (КПИ). Был период ориентации на еврокоммунизм и в истории Французской коммунистической партии (ФКП). Важно отметить, что КПИ и ФКП также были довольно влиятельными в своих странах. Подобная ориентация была характерна и для ряда компартий, чьё электоральное поле было намного более узким. География подобных партий такова: Нидерланды, Великобритания, Австрия, Япония, Австралия, Венесуэла, Мексика. При обращении к географическому аспекту влияния еврокоммунистических идей следует обязательно сказать студентам, что этот аспект не ограничивался Старым Светом.

Теоретические корни еврокоммунизма представляют собой широкий спектр идей, в том числе и тех, которые были сформулированы в последних ра-

ботах Фридриха Энгельса, впервые высказывались видным деятелем ИКП Антонио Грамши. Архитекторами еврокоммунистической идеологии и политики выступили Генеральный секретарь КПИ Сантьяго Каррильо и Генеральный секретарь ИКП Энрико Берлингуэр. Первый отметил на этом поприще собственной книгой «Еврокоммунизм и государство». Второй, хотя и не публиковал собственных книг по данному вопросу, многократно излагал соответствующую позицию на различных уровнях.

Проявления еврокоммунизма были разнообразными. В 1968 году ИКП жёстко дистанцировалась от КПСС, инициировавшей интервенцию армий пяти соцстран в ЧССР, имевшую целью положить конец социализму с человеческим лицом, отстаиваемому чехословацким лидером Александром Дубчеком. О радикальном прорыве в идеологии и политике итальянских коммунистов свидетельствовал «исторический компромисс» между ИКП и Христианско-демократической партией (ХДП). Точно так же следует оценить пакт Монклоа, одной из сторон которого являлась КПИ.

При освещении еврокоммунистической идеологии и политики важно постоянно учитывать принцип историзма. Степень еврокоммунистической ориентации соответствующих партий не оставалась неизменной. В 1980-ых гг. эта ориентация заметно ослабла у ФКП и КПИ. Старт Второй Итальянской республики, появившейся в первой половине 1990-х гг., пришёлся на время, когда прежней ИКП уже не существовало. Одна часть бывших членов ИКП стала членами социал-демократической партии, а другая позиционировала себя в качестве коммунистов в рамках новой партии, роль которой в политической жизни страны была и остаётся незначительной. Следует также учитывать, что распад СССР, становым хребтом которого была КПСС, предопределил утрату актуальности ряда положений еврокоммунистической идеологии. Принципиально важно отметить, что к моменту своего краха перестроившаяся по инициативе М.С. Горбачёва КПСС имела в своём арсенале немало характерных для данной идеологии черт. Кстати, КПСС не была в этом отношении пионером в соцлагере. Ещё до горбачёвской перестройки с еврокоммунизмом стала пересекаться идеология Союза коммунистов Югославии, возглавляемого Иосипом Броз Тито.

«Критика справа упрекала еврокоммунистов в нежелании порывать с Москвой, троцкистская критика – в национализме, критика слева – в отказе от основополагающих принципов коммунизма. Советские идеологи рассматривали еврокоммунизм как разновидность ревизионизма» [6].

Несомненно, главная цель разработчиков ортодоксальных версий социализма – занять монопольные позиции в той части идейного ландшафта, которая находится левее центра. Эта цель не была достигнута. Более того, уже более столетия в данной части идейного спектра в Старом Свете преимущественные позиции занимает социал-демократическая идеология. Она наращивает свой политический вес и вне Европы.

За идеологией современной социал-демократии прочно закрепилось название «демократический социализм». Он представляет собой симбиоз идей, традиционно характерных для социал-демократии и идей, заимствованных у конкурирующих идеологических систем.

Верная своему социал-реформистскому профилю, современная социал-демократия по-прежнему считает неприемлемой классовую борьбу, однозначно утверждает, что работополучатели могут перманентно улучшать своё положение, ориентируясь на социальное партнёрство с работодателями.

У социал-демократов те же базовые ценности, что и у либералов и консерваторов, а именно: свобода, справедливость, солидарность. В трактовке этих ценностей анализируемое течение всё больше сближается с конкурентами справа. Вместе с тем есть позиции, по которым социал-демократы профилируют себя именно как социал-демократы, что обязательно будет показано в процессе дальнейшего изложения.

Известно, что любая цивилизованная идеологическая система делает акцент на защите прав человека. Социал-демократическая идеология – не исключение. Более того, социал-демократы чётко дистанцируются от консерваторов, признающих только равенство возможностей. «[Принцип равных прав и возможностей] [7] имеет в данной идеологии статус одного из базовых.

Точно так же, как и либералы и консерваторы, социал-демократы видят в качестве одной из несущих конструкций реальной свободы «политический и идеологический плюрализм» [7]. Как и перечисленные течения, они видят данный плюрализм только в рамках правового поля, только в рамках цивилизованных стандартов.

Социал-демократы позаимствовали у неоллибералов идею «социально ориентированной рыночной экономики» [7]. Они отстаивают эту идею «в противовес абсолютизированному свободному рынку» [7], пропагандируемому ранним либерализмом и консерватизмом.

Несомненно, наполнение реальным содержанием идеи «социально ориентированной рыночной экономики» [7] невозможно без «ограниченного государственного регулирования экономики» [7]. В этом, конечно, согласны социал-демократы, и неоллибералы. Однако оба течения по-разному отвечают на вопрос: «Каковы же пределы этого регулирования?» Отвечая на него, социал-демократы исходят из того, что их модель рыночного хозяйства является более «социально ориентированной» [7].

И социал-демократы, и неоллибералы выступают за «создание эффективных регулятивных механизмов в предпринимательстве» [7]. Вместе с тем социал-демократы в отличие от неоллибералов чётко прописали в своих программных документах, что всё это должно делаться «в интересах рабочих и мелкого предпринимательства» [7]. Мелкий бизнес вполне может быть удовлетворён отстаиваемым приверженцами демократического социализма «принципом справедливой торговли» [7].

Социал-демократы традиционно профилируют себя по вопросу о собственности на орудия и средства производства. Их идеологический профиль чётко прослеживается в следующих требованиях:

«Равноправие и защита всех форм собственности.

Создание мощного государственного сектора в экономике, конкурирующего на равных с частным» [7].

При этом в социал-демократической идеологии присутствует ясное понимание того, что удельный вес государственного сектора в народнохозяйственном комплексе страны определяется исходя из её национальных интересов, что нет и не может быть национализации ради национализации. Именно с учётом этих интересов, социал-демократы выступают за «национализацию стратегически важных предприятий, особенно в военной, аэрокосмической, металлургической, нефтеобработывающей промышленности и энергетике» [7].

Профилирование социал-демократов в идейном ландшафте прослеживается и по вопросу о положении работников. Неотъемлемой частью программы любой социал-демократической партии является наличие «системы защиты экономических прав рабочих, предусматривающей:

- Ограничение рабочей недели (до 35-40 часов).
- Улучшение условий труда рабочих.
- Повышение минимальной зарплаты.
- Защиту от неоправданного увольнения.
- Борьбу с безработицей» [7].

В рамках анализируемого профилирования налажено перманентное взаимодействие между социал-демократами и профсоюзами. С последними ни одна иная партия так тесно не взаимодействует, что объясняется тем, что профсоюзы – это стеновой хребет социал-демократического движения.

Социал-демократы в большей степени, чем их конкуренты выступают за то, чтобы напрягать социальный вектор расходной части государственного бюджета. Имея в виду среди прочих и этот вектор, они ставят вопрос о «среднем или высоком уровне налогообложения, необходимом для финансирования государственных затрат» [7]. Социал-демократы официально добиваются того, чтобы названный вектор убедительно гарантировал наполнение реальным содержанием следующих позиций:

«Всеобщего бесплатного образования, равный доступ к которому имеет все население страны.

Государственной системы всеобщего бесплатного здравоохранения для всех граждан страны.

Государственной помощи в форме пенсий и пособий по инвалидности и безработице.

Государственной помощи для ухода за детьми» [7].

При обращении к анализируемому блоку в идейной платформе социал-демократов студентам обязательно надо сказать о том, что социальный вектор расходной части государственного бюджета имеет свои пределы, будучи зависимым от экономической конъюнктуры, от приоритетов государственной политики. Указанный акцент в программных установках социал-демократии не стыкуется с тем сценарием, когда сама жизнь требует от властных структур применения монетаристских методов в государственной экономической политике. Известно, например, что именно поэтому социал-демократы потеряли власть на федеральном уровне в ФРГ в 1982 году.

Стремясь забрать голоса у «Зелёных», социал-демократы всё активнее позиционируют себя по экологической проблематике. При этом они демонстрируют более взвешенный, более сбалансированный подход, чем «Зелёные».

Ни одна политическая сила на Западе не относится так благоприятно как «иммиграции и мирному сосуществованию культур и цивилизаций» [7], как социал-демократия. Это резко отличает её от правой части политического спектра.

При рассмотрении внешнеполитической доктрины современной социал-демократии важно соотнести с внешнеполитической доктриной Республики Беларусь. Если брать сугубо официальные заявления, то можно прийти к выводу, что они во многом совпадают. Важно прежде всего отметить, что и социал-демократия, и руководство Республики Беларусь выступают за

«Внешнюю политику, соответствующую принципам мультилатерализма и участия в международных организациях типа ООН.

Демилитаризацию, сокращение военных arsenалов и неучастие в агрессивных военных блоках» [7].

Одновременно важно обратить внимание студентов на то, что слова и дела лидеров социал-демократов во внешнеполитической сфере не всегда совпадают. В этой связи можно привести следующие примеры. Канцлер ФРГ Г. Шрёдер и премьер-министр Великобритании Т. Блэр в 1999 году поддержали натовскую агрессию против Югославии. В 2003 году возглавляемая Т. Блэром Великобритания стала активным соучастником американской агрессии против Ирака.

Крайне правая часть политического спектра представлена фашизмом. «Сегодня в политической науке сложилось двоякое понимание фашизма... Одни ученые понимают под ним конкретные разновидности политических идеологий, сформировавшихся в Италии, Германии и Испании в 20-х – 30-х гг. двадцатого столетия и служивших популистским средством выхода этих стран из послевоенного кризиса» [1]. Разбор данного подхода составит первую часть в процессе освещения вопроса о фашистской идеологии.

При обращении к фашизму как политической идеологии следует обязательно назвать студентам человека, который впервые позиционировал себя как его приверженец, впервые сформулировал соответствующую концепцию. Это – Бенито Муссолини. Концепция последнего имела два ключевых теоретических источника. Первый источник – тот сегмент наследия Платона, Гегеля, который был посвящён элитарным идеям. Второй источник – теория «органистского государства». Согласно убеждениям её авторов, властные структуры такого государства не должны останавливаться ни перед чем для достижения стабильности, спокойствия и благополучия в обществе, что представляется благом для всех его членов. За это последние должны были признавать как данность «безграничную волю» государства, относиться к власти имущим как к кругу избранных, никому не подконтрольных, стоящих над обществом. Бенито Муссолини пытался внушить среднестатистическому гражданину, что война и экспансия в отношении народов, которые стоят ниже итальянцев, – абсолютно нормальная вещь, которая должна стать фактором консолидации итальянского общества. Таковой была итальянская разновидность фашизма. Кстати, термин этот итальянского происхождения. Итальянское слово *fascismo* переводится на русский язык как «пучок, связка, объединение».

Германская разновидность фашизма, как и итальянская, была одной из ключевых в Старом Свете в 1920-х – 1930-х гг. Поэтому представляется важ-

ным донести до каждого студента, что имеется общего и особенного между данными моделями. «Немецкая версия фашизма отличалась большей долей реакционного иррационализма («германский миф»), более высоким уровнем тоталитарной организации власти и откровенным расизмом» [1].

При разборе расовой составляющей идеологии германского фашизма важно прежде всего ответить на следующие вопросы: 1) Есть ли основания для утверждения о реальном существовании народа под названием «ария»? 2) Какие народы могли быть генетически связаны с арией в случае, если это не мифический народ? Наукой доказано, что такого народа не было. Однако национал-социалисты во главе с Гитлером исходили из того, что ария – это не миф, а реальность. При ответе на второй вопрос они называли немцев, англичан, северо-европейцев. Для единомышленников Гитлера ария отождествлялась с высшей расой, которую следовало наделять самым большим объёмом социальных, политических прав в глобальном интерьере. Считалось, что арии и только они – культуртрегеры, то есть носители, созидатели культуры. Именно по отношению к культуре градиrowались народы планеты. Заявлялось, что наряду с теми расами, которые созидают культуру, есть те, которые её поддерживают и те, что разрушают. Логика мышления национал-социалистов была такова: созидатели культуры должны получить безграничное жизненное пространство; для тех, кто поддерживает культуру, его следует ограничить; для разрушителей культуры нет места в жизненном пространстве. В качестве потенциальных объектов для ограничения этого пространства выступали славяне, часть азиатов, латиноамериканцев, а для лишения – евреи, негры, цыгане.

И итальянский, и германский фашизм полностью соответствуют следующему универсальному определению фашизма: «система политических идей, или реальная политическая практика, основанные на представлениях об интеллектуальном, моральном, историческом превосходстве одних рас или наций над другими» [8]. В этом определении аккумулировано то общее, что есть между всеми разновидностями фашизма.

«Конкретно-исторические трактовки фашизма позволяют увидеть его политические очертания помимо названных государств также во франкистской Испании, Японии 30-40-х гг., Португалии при А. Салазаре, Аргентине при президенте Пероне (1943-1955), Греции конца 60-х, в отдельные периоды правления в Южной Африке, Уганде, Бразилии, Чили» [8].

Предваряя вторую часть в процессе освещения вопроса о фашизме, следует разделить все имеющиеся в современном мире идеологические системы на цивилизованные и нецивилизованные. Подобная градация зависит от ответа на вопрос: «Гарантирует ли данная идеологическая система цивилизованное существование различных частей общества?» При ответе на настоящий вопрос обязательно будут выявлены идеологии, в содержательной стороне которых заложена мина замедленного действия, которая может взорваться в любой момент.

Первый пример – национальная идеология, заикленная на том, чтобы коренное население было на постоянной основе наделено статусом, который был бы недостижим для остальных сегментов населения и свидетельствовал о дискриминационном положении последних.

Второй пример – коммунистическая идеология, которая делает акцент на ведущей роли рабочего класса в социальной структуре общества, приписывает ему исключительную миссию в историческом развитии.

Третий пример – религиозный фундаментализм, логика мышления идеологов которого такова: вера может быть или подлинная, или неподлинная, третье не дано.

Список подобных примеров можно продолжить.

Организационные структуры, связанные с данными идеологиями, имеют в своём арсенале отнюдь не цивилизованный набор инструментов, необходимых для достижения целей соответствующих идеологических систем.

В свете вышесказанного следует обратиться к взглядам той части учёных, которая «интерпретирует фашизм как идеологию, не имеющую определенного идейного содержания и формирующуюся там и тогда, где и когда на первый план в идейных и практических устремлениях политических сил выступают цели подавления демократии, а жажда насилия и террора заслоняют задачи захвата и использования власти. Таким образом, наиболее предпочтительной идейной основой для фашизма являлись бы доктрины, содержащие признание превосходства тех или иных расовых, этнических, классовых, земляческих и иных групп общества. Поэтому от фашистского перерождения не застрахованы... идеологии...» (, названные в соответствующих примерах. – М.С., П.М.).

Понимая таким образом фашизм, общество должно крайне внимательно относиться к появлению на политическом рынке идей, стремящихся закрепить чье-либо социальное превосходство в ущерб другим гражданам и не желающих останавливаться ни перед какой социальной ценой для достижения поставленных целей. И хотя такое отношение к фашизму драматизирует авторитарные методы управления в демократических режимах, однако оно позволяет своевременно увидеть опасность нарастания насилия, национального милитаризма, вождизма и других черт этой агрессивной идеологии, чреватой разрушением цивилизованного облика общества» [1].

Завершающая часть настоящего учебно-методического пособия посвящена национальным идеологиям.

Для постижения феномена национальной идеологии надо сначала разобраться, что же такое нация. Это – термин иностранного происхождения. Понятие «нация» происходит от латинского слова «Nation», которое имеет только один вариант перевода на русский язык: «народ». Безусловно, любая национальная идеология ориентируется на строго однозначную трактовку указанного понятия. Подобные трактовки имеют следующие основные вариации.

Первая вариация уходит своими корнями к теоретическому наследию классиков марксизма-ленинизма. В этом наследии под нацией понималась «общность, складывающаяся на основе единых экономических условий жизни людей, территории, языка и определенных черт духовной культуры» [1].

Вторая вариация имеет в качестве своего автора выдающегося социолога Макса Вебера. Для последнего речь идёт о «культурной общности, интегрируемой политическими событиями и институтами» [1].

Третья вариация связана с именем Дж. Бренда, который писал о «вопло-

щении «национального духа», поддерживаемого культурными нормами, ценностями и символами» [1].

Четвёртая вариация является ориентиром для идейных наследников пророка Мухаммеда и признаёт в качестве несущей конструкции национальной идеологии «народ, которому ниспослано божественное откровение» [1].

Общий знаменатель национальных идеологий таков. «В целом идеологии этого типа выражают политические требования граждан, чьи интересы в повышении своего социального статуса связываются с национальной принадлежностью» [1].

К национальной идеологии принципиально важно подходить конкретно-исторически. Если брать в расчёт всю историю человечества, то окажется, что национальная идеология – относительно молодое явление. Нации, национальные государства, многонациональные государства впервые появляются в период индустриальной цивилизации. Касательно западной части Старого Света пик национальных идеологий начался в то время, когда приближался к завершению позапрошлый век и продолжался несколько десятилетий. Ныне в этом регионе сосредоточено ядро Евросоюза, который всё больше приобретает черты конфедеративного образования, которое по ряду ключевых позиций не стыкуется с национальной идеологией. Одновременно на СНГ-овском и постюгославском пространствах прослеживается повторение пути, который Западная Европа давно уже прошла. Там национальные идеологии занимают в политическом интерьере такое же важнейшее место, как и в прежней Западной Европе.

Формирование национальных идеологий, их проявление в реальной жизни конкретных государств детерминировано многими факторами. Соответствующие идеологи прежде всего учитывают и международные реалии, и наличие либо отсутствие национального самосознания у адресата их идеологической системы; его способность более глубоко постигать содержательную сторону национальной идеологии. Эти же факторы берут в расчёт и субъекты политического процесса, базирующиеся на национальной идеологии. Конечно, с учётом данных факторов их требования разнятся. Они «могут выдвигать требования либо защиты культурной самобытности национальной диаспоры (вплоть до образования самостоятельной государственности); либо расширения геополитического пространства для жизни нации или, напротив, – защиты собственной территории и национального суверенитета от внешних посягательств; либо создания привилегий для лиц «коренной национальности» или же – интенсивного расширения интернациональных контактов и т.д.

Таким образом, политические движения, стимулируемые национальными идеологиями (национализм), в одних странах могут способствовать разрешению межнациональных конфликтов, усилению культурной однородности и, стало быть, интеграции общества (Швейцария, страны Бенилюкса и др.). В других, создавая очаги сепаратизма и этнического гегемонизма, национализм может подрывать целостность общества и стабильность политического правления (движение басков в Испании, сербов в Боснии и т.д.). Национальные идеологии могут стать источником укрепления межгосударственных отношений (так, в большинстве стран Западной Европы отстаивание национальных интересов не

связывается с усилением враждебности к другим государствам), а могут создавать острые противоречия между государствами, особенно в связи с проведением политики по отношению к своим национальным землячествам на чужих территориях (например, между Боснией и Сербией, Россией и Латвией)» [1].

В рамках разбора национальной идеологии нельзя не задаться и следующим вопросом: «Есть ли полное совпадение между этой идеологией и комплексом требований касательно только соответствующей нации?» Конечно, с точки зрения формальной логики на него сравнительно легко дать положительный ответ. Вместе с тем всегда находились и находятся искусные политические игроки, которых удовлетворяет иной ответ.

В ряде случаев национальные идеологии используются в качестве прикрытия для решения проблем, не связанных с условиями существования того или иного этноса. Например, в конце 1980-х – начале 1990-х гг. прибалтийские республики под флагом защиты интересов коренных национальностей пытались решить весь комплекс проблем с бывшим союзным государством (в частности вопросы хозяйственных взаимоотношений, усиления экономической самостоятельности, обеспечения оптимальных условий роста уровня жизни граждан и т.д.)» [1].

1. Основные идеологические течения в современном мире // Vuzlib: экономико-правовая библиотека [Электронный ресурс]. – 2010. – Режим доступа: www.vuzlib.net/beta3/.../26063/. – Дата доступа: 14 марта 2010 года.

2. Социальное рыночное хозяйство В. Ойкена и Л. Эрхарда // Мировые экономические идеи 20-х – 80-х годов: неолиберализм [Электронный ресурс]. – 2010. – Режим доступа: http://revolution.allbest.ru/economy/00006097_0.html. – Дата доступа: 14 марта 2010 года.

3. Шаталин, Е.А. Либеральная идеология: «негативная свобода» в ракурсе методологического индивидуализма / Е.А. Шаталин // История идей и история общества: Материалы VIII Всероссийской научной конференции (Нижевартовск, 15-16 апреля 2010 года) / Отв. ред. В.Н. Ерохин. – Нижевартовск: Изд-во Нижеварт. гуманит. ун-та, 2010. – С. 302-305.

4. Идеология // Википедия [Электронный ресурс]. – 2010. – Режим доступа: <http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%98%D0%B4%D0%B5%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D0%B3%D0%B8%D1%8F>. – Дата доступа: 18 октября 2010 года.

5. Чучхе // Википедия [Электронный ресурс]. – 2010. – Режим доступа: ru.wikipedia.org/wiki/Чучхе. – Дата доступа: 11 октября 2010 года.

6. Еврокоммунизм // Википедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: ru.wikipedia.org/wiki/Еврокоммунизм. – Дата доступа: 4 октября 2010 года.

7. Социал-демократия // Википедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: ru.wikipedia.org/Социал-демократия. – Дата доступа: 4 октября 2010 года.

8. Фашизм // Википедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: ru.wikipedia.org/wiki/Фашизм. – Дата доступа: 14 октября 2010 года.

Учебное издание

Составители:

Стрелец Михаил Васильевич
Малашук Павел Владимирович

Методические рекомендации
ИЗУЧЕНИЕ ОСНОВНЫХ ИДЕОЛОГИЙ
СОВРЕМЕННОСТИ В ВУЗОВСКОМ ЦИКЛЕ
СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ ДИСЦИПЛИН

Ответственный за выпуск **Стрелец М.В.**

Редактор **Строкач Т.В.**

Компьютерная верстка **Кармаш Е.Л.**

Корректор **Никитчик Е.В.**

Подписано к печати 09.11.2010 г. Формат 60×84¹/₁₆. Бумага «Снегурочка». Гарнитура «Times New Roman». Усл. п. л. 1,63. Уч.-изд. л. 1,75. Тираж 100 экз. Заказ № 1087. Отпечатано на ризографе учреждения образования «Брестский государственный технический университет». 224017, Брест, ул. Московская, 267.